

В. А. ЗАПАДОВ

ДЕРЖАВИН И МУРАВЬЕВ

Возможность и, главное, необходимость постановки вопроса о личных взаимоотношениях Г. Р. Державина и М. Н. Муравьева наметилась лишь в самое последнее время, после работ Л. И. Кулаковой о Муравьеве.¹

Если поэзия Державина, по словам Белинского, была «верным эхом жизни русского народа, верным отголоском века Екатерины II»,² то поэзия Муравьева, будучи только летописью души человека конца XVIII столетия, значительно уже державинской. Тем не менее искания поэтов шли часто в одном направлении. Их объединяет идея ценности личности, лежавшая в основе содержания их творчества, внимание к этическим проблемам, вопросам морали частного человека и общества, характер и жизнь частного человека. Образ автора, органически входящий в стихотворения, попытки создания индивидуальных характеристик людей, обилие конкретных намеков, внимание к бытовым деталям, идущие в одном направлении эксперименты в области метрики, строфики, рифмовки — все эти черты присущи каждому из них.

Поэтические достижения Муравьева предшествовали выдающимся успехам Державина в тех же областях поэзии и поэтики. Но знал ли о них Державин?

В фундаментальном исследовании Я. К. Грота о Державине о Муравьеве лишь бегло упоминается, в трудах Д. Д. Благого, Г. А. Гуковского, А. В. Западова имени Муравьева вовсе не встречается. А между тем по отдельным упоминаниям в переписке и записках Державина, по его надписи на гробнице Муравьева можно заключить, что поэты были, по меньшей мере,

¹ Л. И. Кулакова. 1) М. Н. Муравьев. — Ученые записки ЛГУ, № 33, вып. 4, 1939, стр. 4—42; 2) Муравьев. — В кн.: История русской литературы, т. IV, Изд. СССР, М.—Л., 1947, стр. 454—461.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 48—50.

давними приятелями. Неожиданное подтверждение этому находим в биографии К. Н. Батюшкова, в которой Л. Н. Майков прямо называет Державина и Н. А. Львова «приятелями Михаила Никитича» и сообщает (без ссылки на источник сведений), что «в гостиной» Муравьева «охотно собирались Г. Р. Державин, Н. А. Львов, В. В. Капнист».³

Восстановить историю взаимоотношений поэтов и попутно уточнить некоторые существенные моменты в биографии Державина помогает обращение к неопубликованной переписке Муравьева с соответствующими дополнениями по известным державинским и другим материалам.⁴

Во второй половине 1770-х годов обширный круг литературных и светских знакомств Муравьева — это круг будущих державинских родственников по первому и второму браку, его дружеский круг. Ближайшие друзья молодого поэта — Н. А. Львов и И. И. Хемницер. Через Львова он сблизился с В. В. Капнистом. Постоянно бывает Муравьев в семействе А. А. Дьякова, на дочерях которого впоследствии были женаты Львов, Капнист, Державин. У П. В. Бакунина, А. А. Вяземского он встречается с Е. С. Урусовой, О. П. Козодавлевым, А. С. Хвостовым. В чрезвычайно близких отношениях Муравьев, его сестра и отец с М. Д. и К. Я. Бастидон. Не только Муравьев часто бывает в их доме, но М. Д. Бастидон много раз ездит с ним в Гостиный двор, где покупает для Н. А. и Ф. Н. Муравьевых товары, которые трудно достать в Твери; в карете М. Д. Бастидон Муравьев едет на маскарад и т. д. О всех своих друзьях, приятелях, знакомых, о встречах и визитах юноша подробно пишет отцу и сестре. Однако имени Державина в письмах Муравьева 1776—1778 гг. нет.

О времени сближения Державина с так называемым львовским кружком в научной литературе существуют самые разноречивые мнения, равно как и о том, когда этот кружок сформировался.

По утверждению Д. С. Бабкина, Державин сблизился с Капнистом в 1773 г., а «во второй половине 1770-х годов Капнист завязывает тесную дружбу с группой молодых поэтов», в частности с Хемницером и Львовым.⁵ Согласно Г. В. Ермаковой-

³ Сочинения К. Н. Батюшкова, т. I, ч. 1, СПб., 1887, стр. 48 и 28 первой пагинации. В переработанной редакции статьи о В. И. Майкове появилась фраза о принадлежности Муравьева к львовскому кружку (см.: Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 252).

⁴ Подготовлены к печати Л. И. Кулаковой. К сожалению, эти интереснейшие для истории литературы, культуры, быта материалы до сих пор не опубликованы.

⁵ В. В. Капнист, Собрание сочинений в двух томах, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 14 и 15.

Битнер, знакомство Капниста с Львовым относится к 1771—1772 гг., с Державиным — к 1773 г.⁶ По мнению Н. Л. Степанова, не то «к началу 70-х годов ... Хемницер попадает в этот литературный кружок», не то «по возвращении в Петербург (т. е. после октября 1777 г., — В. З.) Хемницер становится одним из деятельных участников литературного кружка, группировавшегося вокруг Н. А. Львова и Г. Р. Державина».⁷ Э. В. Артамонова в статье о Львове вообще не называет ни одной даты.⁸

Подавляющее большинство этих противоречивых утверждений восходит к гипотетическим построениям Я. К. Грота: «Мы можем предполагать, что ... ранее других сблизился он (Державин, — В. З.) с Капнистом, который в 1772 году перешел из Измайловского полка в Преображенский, где тогда служил и Державин ... По Измайловскому полку товарищем Капниста был Львов, который сошелся с ним⁹ еще в школе этого полка, а потом через него мог познакомиться и с Державиным ... Тогда же (в 1775—1776 гг., — В. З.) поэт мог встретиться впервые с Львовым и Хемницером».¹⁰

Несомненна ранняя дружба Львова и Хемницера, вероятно начавшаяся в 1770—1771 гг. С 1773—1774 г. к ним присоединяется Муравьев, особенно сблизившийся с Львовым. 19 июня 1778 г. Муравьев впервые упоминает имя Капниста и Н. А. Львова.

Поскольку Муравьев сразу же сообщает о новых знакомствах, о людях, близких его друзьям, нет никаких оснований считать, что Львов, Хемницер, Муравьев были в 1776—1778 гг. знакомы с Державиным. Наоборот, они, судя по письмам Муравьева, явно незнакомы. В этой связи показательно следующее. В двадцатых числах августа 1777 г. Муравьев пишет: «В Сенате ексекutory пожалованы новые» — и далее называет лишь одно знакомое лицо — О. П. Козодавлева, назначенного эзекутором 2-го департамента Сената. Между тем одновременно в 1-й департамент эзекутором была определен Державин. Бывая в доме генерал-прокурора А. А. Вяземского, Муравьев пишет о встречах там со многими знакомыми, но имени Державина мы опять-таки не находим.

⁶ История русской литературы, т. IV, стр. 485.

⁷ И. И. Хемницер, Полное собрание стихотворений, М.—Л., 1963, стр. 7 и 9.

⁸ Неизданные стихи Н. А. Львова. — В кн.: Литературное наследство, № 9—10, М., 1933, стр. 265—267.

⁹ Раньше Грот был не столь категоричен: «С которым он сошелся, вероятно, еще в Измайловском полку» (Г. Р. Державин, Сочинения, т. II, СПб., 1865, стр. 105); «Сблизившись с Капнистом, как кажется, еще в измайловской школе» (Сочинения и письма Хемницера. СПб., 1873, стр. 11).

¹⁰ Г. Р. Державин, Сочинения, т. VIII, СПб., 1880, стр. 277. Везде разрядка моя, — В. З.

К сожалению, переписка Муравьева с семьей за 1779 и следующие годы не столь полна. В львовском кружке к этому времени уже были И. И. Хемницер, М. Н. Муравьев, В. В. Капнист, П. Л. Вельяминов. В конце января 1779 г. знакомится с Львовым и Хемницером В. В. Ханыков. Очевидно, в начале года происходит сближение с кружком и Державина.

Эту же дату неоднократно называет и сам Г. Р. Державин. «С 1779 года избрал он совсем особый путь, будучи предводим наставлениями г. Батте и советами друзей своих: Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера, подражая наиболее Горацию».¹¹

Муравьева Державин не называет в числе людей, близких ему в 1779 г. Так как в 1779—1780 гг. Муравьев большую часть времени провел в Твери, сближение между ними вероятней всего отнести к 1781—1782 гг.

В разное время более или менее близки к кружку были И. Ф. Богданович, О. П. Козодавлев, И. С. Захаров, П. Ю. Львов, И. И. Дмитриев, Ф. П. Львов, А. М. Бакунин, А. Н. Оленин. У Бакуниных, где состоялась с участием И. А. Дмитриевского и М. А. Дьяковой постановка «Дидоны», и у Дьяковых бывал Я. Б. Княжнин. Именно через него члены кружка публиковали свои произведения в «Санктпетербургском вестнике» (Муравьев, часто посещавший драматурга дома, писал, что он «в числе издателей» журнала).¹² У Муравьева и особенно Державина сохранилось в автографах и списках множество произведений Княжнина, в том числе все имеющиеся автографы художественных произведений. Все это позволяет говорить об известной близости выдающегося драматурга и поэта к дружескому кружку.¹³

Наконец, есть основания полагать, что к кружку имел отношение и Д. И. Фонвизин. Дело не столько в том, что в 1783 г. он написал статью в защиту Державина, а накануне смерти читал у него новую комедию, сколько в сохранившейся рукописи Хемницера, содержащей замечания на «Послание к слугам», анало-

¹¹ Г. Р. Державин, Сочинения, т. VI, СПб., 1871, стр. 443.

¹² В августовском номере журнала 1780 г. (стр. 127) напечатана «Песенка» («Цари! Вы светом обладайте...»). В «Историческом разыскании о русских повременных изданиях» (стр. 249) и «Указателе» к нему (стр. 181) А. Н. Неустров называет автором «Песенки» Державина. На самом деле автор ее — Н. А. Львов.

¹³ И. И. Дмитриев, познакомившийся с Державиным в середине 1790 г., удивлялся тому, что не встречал у него Княжнина и В. П. Петрова (Сочинения, т. II, СПб., 1893, стр. 40). Он и не мог их встречать. Княжнин «в свет» не выезжал, так как подвергся правительственным преследованиям, окончившимся 14 января 1791 г. гибелью драматурга (см.: Я. Б. Княжнин, Избранные произведения, Л., 1961, стр. 13—14). А Петрова с 1780 г. вообще не было в Петербурге (Русская поэзия, т. I, СПб., 1897, стр. 359).

гичные тем, какие Львов, Хемницер, Державин и другие писали на сочинения друг друга.¹⁴

Недолгое время примыкал к кружку А. С. Хвостов, быстро перессорившийся с Львовым, Хемницером, Фонвизиным.¹⁵

Кружок не был постоянен даже в своем основном составе. Годами не бывал в Петербурге Капнист, в Твери и Бернове месяцами жил Муравьев, неоднократно уезжал Фонвизин, подолгу отсутствовал Львов. В 1782 г. уехал в Смирну Хемницер (там он и умер в марте 1784 г.). С 1784 по 1789 г. в Петрозаводске, Тамбове, Москве был Державин.

Однако дружеские чувства между поэтами, подкрепляемые родственными связями, росли. Так, по-видимому, в укреплении дружбы между Державиным и Муравьевым имели значение не только встречи 1781—1784 гг., но и близкие отношения между К. Я. Державиной и Ф. Н. Муравьевой. Ф. Н. Муравьева вышла замуж за тамбовского помещика С. М. Лунина, и в годы жизни Державиных в Тамбове семейство Луниных было для них одним из наиболее приятных. Именно поэтому Муравьев постоянно сообщал сестре и зятю новости о Державине.

Летом 1787 г. Екатерина II возвращалась из путешествия по России, и в Коломенском, под Москвой, ее встречали внуки, а вместе с ними и Муравьев, который был одним из их учителей. 17 июня он пишет Лунину: «Тут встретил я Катерину Яковлевну Державину, недавно приехавшую в Москву. Она просила кланяться вам и сестрице. Гаврила Романович должен был скоро приехать».¹⁶

Особенно часто пишет Муравьев о Державине с ноября 1788 г., когда начинаются сенатские мытарства бывшего тамбовского губернатора. Выясняется, что некоторые события не вполне правильно были освещены Гротом, хотя часть материалов опубликована им.

Еще в ноябре 1788 г. фактически отстраненный Гудовичем от губернаторства, Державин предпринял попытку оправдаться непосредственно перед императрицей. Против него в Петербурге действовали могущественнейшие вельможи — генерал-прокурор А. А. Вяземский, вице-канцлер А. А. Безбородко, через которого проходили все прошения и письма на императорское имя, П. В. Завадовский и др. Г. А. Потемкина, обещавшего Державину поддержку, в столице не было. Поэт решил искать защиты у А. М. Дмитриева-Мамонова, фаворита императрицы, двоюродного брата Фонвизина. Посредником в этом деле стал Муравьев, к которому через Лунина Державин переслал свой доклад. Через ближайшего друга — Н. А. Львова — Державин на этот

¹⁴ См.: К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 295—296.

¹⁵ См.: И. И. Хемницер, Полное собрание стихотворений, стр. 312.

¹⁶ ОПИ ГИМ, ф. 445, № 52. л. 30 об.

раз действовать, очевидно, не решился из-за того, что начальником и «покровителем» Львова был Безбородко. Узнав задним числом об обращении к Мамонову, Львов явно обиделся на поэта.

Получив письмо Державина, Муравьев в тот же день обратился к В. А. Зайцеву, сослуживцу и другу Мамонова, и заручился обещанием помощи. Для доклада императрице нужно было, однако, составить краткое изложение державинского «дела» — «выписку», что Муравьев взял на себя. Благоприятные отзывы Мамонова и Гарновского (управляющего Потемкина) задержали решение императрицы на три недели,¹⁷ однако после новой ссоры с Мамоновым она подписала указ о Державине.¹⁸ Ни письмо поэта, ни «выписка» Муравьева не понадобились, они так и остались у Зайцева.

Несмотря на то что указ 18 декабря был мягче, чем настаивали враги Державина (повелевалось отдать его не под суд Сената, а на «исследование»), Муравьев был искренне огорчен. «К величайшему прискорбию нашему, — писал он Луниным, — дело Гаврилы Романовича взяло совсем иной оборот. Мы понимаем здесь, чего стоит вам лишение его и Екатерины Яковлевны. Исследование, может быть, будет благоприятнее. Это последнее утешение достоинства».¹⁹

О деле Державина Муравьев пишет неоднократно и с сожалением; но как только в Петербург доходят слухи о приближении сенатского следствия к концу, он спешит сообщить: «От Зайцева слышал я, что дело Гаврилы Романовича в пользу его решится».²⁰ И наконец торжествуя: «Вчера был доклад о Гавриле Романовиче, и государыня изволила выслать к нему Храповицкого с объявлением, что он прав».²¹

Как известно, Державин был принят императрицей, обедал у нее, однако о делах разговора не было, и 23 июля поэт подал Екатерине II прошение о выплате ему жалования до определения к должности и ходатайствовал о новой аудиенции. Конец этого доклада, считавшегося утраченным,²² особенно характерен для

¹⁷ «По докладу Сената, приказано Державина отдать под суд», — записал А. В. Храповицкий 29 ноября 1788 г. (Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901, стр. 118). Именной указ подписан 18 декабря 1788 г.

¹⁸ Первая ссора была 1 сентября 1788 г., в день представления «Недоросля» на Эрмитажном театре. Окончательный разрыв, после многих ссор и примирений, наступил 18 июня 1789 г. (см.: Дневник А. В. Храповицкого, стр. 83—168). Около 14 декабря М. Н. Муравьев писал, что по делу Державина «обстоятельства теперь не весьма способные», а его отец, сенатор Н. А. Муравьев, пояснял: «Поговаривают ... о перемене А. М. Мамонова другим» (Г. Р. Державин, Сочинения, т. V, СПб., 1869, стр. 730).

¹⁹ ОПИ ГИМ, ф. 445, № 54, л. 2 об. Письмо от 4 января 1789 г.

²⁰ Там же, л. 41 об. Письмо М. Н. Муравьева от 7 июня 1789 г.

²¹ Там же, л. 50. Письмо М. Н. Муравьева от 12 июля 1789 г.

²² См.: Г. Р. Державин, Сочинения, т. VIII, стр. 579. Документ хранится в ЦГИАЛ, ф. 938, оп. 1, № 256. Публикуемый далее отрывок находится на лл. 2 об.—3.

Державина, который хотел обличать неправду перед самой императрицей и в то же время уже не очень верил в ее правосудие: «Если ж то обстоятельство, что о личных на меня неудовольствиях правящего генерал-губернаторскую должность осталось без исследования и по неизвестности о истине подлежу еще сумнению, достоин ли я просимых и ожидаемых мною от всемилостивейшей моей монархини милостей, то к развязке сего темного обстоятельства и предубеждения о моем якобы беспокойном нраве и дерзостях, да благоволено будет приказать мне лично предстать вашему императорскому величеству и, как сердцевицу богу, открыть мою совесть и показать те истинные с ясными доказательствами причины, которые весьма небезважны, откуда произошли на меня правящего генерал-губернаторскую должность неудовольствия и притеснения. От вседержащей вашего императорского величества власти зависеть будет представленное мною предать действию законов или удержать в недре великодушного и матернего сердца».

Обстоятельства аудиенции 1 августа хорошо известны и по запискам Державина, и по дневнику Храповицкого. Однако был тут один любопытный факт, не известный биографам поэта. В письме Муравьева (он жил в царскосельском дворце и часто ночами дежурил по должности «кавалера» великого князя Константина) читаем: «Вчерась, приходя с дежурства, нахожу у себя в комнате убирающегося Гаврилу Романовича, который вам кланяется и вас очень любит».²³ Пожалуй, именно эта фраза лучше всего свидетельствует о человеческой близости двух поэтов.

И в дальнейшем Муравьев сообщает Луниным новости о Державине: «Написал прекрасное лирическое сочинение „Изображение Фелицы“, где воображение его разгорячено благодарностию»;²⁴ напечатана «Песнь Россу по взятии Измаила»;²⁵ на бале у А. С. Строганова пели стихи, сочиненные Державиным»,²⁶ и т. д.

Последнее сообщение особенно интересно, так как об исполнении кантаты «Песнь дому любящему науки и художества в новый год» (впоследствии названо «Любителю художеств») до сих пор определенных сведений не было. Теперь ясно, что разделение произведения на «хоры» и «арии» — не формальная прихоть

²³ ОПИ ГИМ, там же, л. 57. Письмо М. Н. Муравьева от 2 августа 1789 г.

²⁴ ОПИ ГИМ, там же, л. 78 об. Письмо М. Н. Муравьева от 11 октября 1789 г. Как известно, Капнист отнесся к оде неодобрительно, Львов занял промежуточную позицию. Любопытно, что ни Капнист, ни Львов, ни Муравьев не заметили в этом произведении сатирического элемента, который дал Державину впоследствии право поставить «Изображение Фелицы» в один ряд с одами «На счастье» и «На коварство» (Рукописный отдел ИРЛИ, архив Я. К. Грота, № 15883 ХСVIII б. 2, л. 11).

²⁵ ОПИ ГИМ, ф. 445, № 55, л. 15 об. Письмо М. Н. Муравьева от 27 февраля 1791 г.

²⁶ Там же, л. 18. Письмо М. Н. Муравьева от 20 марта 1791 г.

автора: оно действительно исполнялось с музыкой Д. С. Бортнянского. При этом следует отметить, что Державин позаботился об отдельном издании хоров из кантаты. Обнаруженные документы позволяют установить, что произведение было сразу выпущено двумя изданиями. Сначала отдельно малым тиражом (несомненно для певчих, исполнявших кантату) были напечатаны только хоры, а спустя несколько дней — и все произведение целиком.²⁷ «Хоры из песни дому любящему науки и художества» не зарегистрированы нигде, вплоть до «Сводного каталога русской книги XVIII века». Не исключено, что они, изданные со служебной целью, действительно не сохранились. А может быть, найдутся среди анонимных произведений.

Иногда упоминания о Державине в письмах Муравьева носят чисто информационный характер, вроде: «Гаврила Романович вам кланяется. Вы знаете, сколько живое участие он в вас приемлет».²⁸ Но всегда о «добром приятеле» Г. Р. Державине Муравьев говорит с симпатией и уважением.

В стихотворении «К Музе» Муравьев дал лапидарную характеристику Державина как поэта. Эти полторы строки доставили Муравьеву много мучений. В черновых вариантах он писал, обращаясь к музе поэзии:

... Ты барду приседишь,
Изобразив ему подобие Фелицы
Во всем сиянье червоницы...

... Ты на берегах Невы
Полетом быстрых орлицы
Спускаешься с небес к Рафаелю Фелицы...

... Ты с бардом у Невы
Испытываешь вновь полеты Оссиана...²⁹

Все это верно, но ни цикл стихов, посвященных Фелице в 1782—1789 гг., ни оссианизм 1790-х годов (в первую очередь — опубликованный позднее «Водопад») не исчерпывают многогранного творчества Державина. Отбросив частное, Муравьев в конце концов сумел найти наиболее общую, емкую и точную характеристику:

... Ты с бардом у Невы
Священны истины вливаешь смертным в уши.

²⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 390, лл. 25—28. «Песнь» напечатана 6—8 января 1791 г. тиражом 606 экз. (в «Сводном каталоге» данных о тираже нет), издание стоило автору 24 руб. 50 коп. За печатание «Хоров из песни...» Державин заплатил 3 руб. (т. е. тираж, очевидно, не превышал 120 экз.).

²⁸ ОПИ ГИМ, ф. 445, № 53, л. 26 об. Письмо М. Н. Муравьева от 31 января 1790 г.

²⁹ Рукописный отдел ГПБ, ф. 499, № 4, лл. 88 и 119 об.

В свою очередь Державин, с уважением упомянув в «Записках» о «человеке самом честнейшем и своем приятеле», посвятил его памяти четверостишие, поэтично и тонко характеризующее давнего друга:

На гроб М. Н. Муравьева,
поставленный супругою его в Невском 1808 года

Дух кроткий, честный, просвещенный,
Не мира гражданин сего
Взлетел в селения блаженны.
Здесь прах скрыт друга моего.³⁰

Эти слова поэта, всегда очень точного в своих определениях, — одно из вернейших свидетельств длительной дружбы.

³⁰ Державин. Стихотворения. Л., 1933, стр. 369. Муравьев умер в 1807 г., похоронен в Александро-Невской лавре; в 1808 г. Е. Ф. Муравьева установила на его могиле памятник.